

Мечта. Море.
Любовь

Сборник рассказов о любви к себе,
друг другу и своему пути

Наташа Евлюшина

Натasha Евлюшина
Мечта. Море. Любовь. Сборник
рассказов о любви к себе,
друг другу и своему пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32492409

ISBN 9785449074485

Аннотация

«Мечта. Море. Любовь» – 17 историй о любви к себе, друг другу и своему пути. О любви счастливой и несчастной. О любви реальной и фантазийной. На страницах книги – немного жизни, чуть-чуть смерти, капелька иронии, крохи сарказма, малость сюрра, доля мистики, проблески надежды и шепотка волшебства. Смерть приходит за талантливым архитектором из-за его отказа от мечты. Девушка посреди кухни в белой ночнушке и с окровавленным ножом в руке. Неудачливая писательница вдруг становится рок-звездой.

Содержание

Обычные люди	6
Уроки танцев	52
Волшебная	61
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мечта. Море. Любовь

Сборник рассказов о любви к себе, друг другу и своему пути

Наташа Евлюшина

*Эти истории были записаны в период
с 2011 по 2018 гг.*

*На клочках бумаги и в красивых блокнотах.
На море и по дороге к нему. В поездах и на скамейках
в парке. На коленках в автобусе и за столиком
в кафе. В рабочих перерывах и домашними вечерами.*

*Эти истории были записаны, чтобы прийти
к своим людям в самый нужный момент и тихо
прошептать: «Время взлетать».*

Для тех, кто не боится мечтать.

*Для тех, кто готов выйти из строя и пойти
своей дорогой.*

Корректор Татьяна Вигуро

Фотограф Тани Нова

Дизайнер обложки Тани Нова

© Наташа Евлюшина, 2020

© Тани Нова, фотографии, 2020

© Тани Нова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-7448-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обычные люди

– Корпорация «Обычные люди», здравствуйте, – говорю я в микрофон беспроводной гарнитуры и машу рукой над чашкой свежесваренного кофе, чтобы тот поскорее остыл.

На мониторе компьютера высвечиваются данные о звонке. Их немного: номер телефона, имя абонента и географическая точка сигнала. Ее зовут Ульяна, сейчас она примерно в 10 км от нашего офиса. Но я не могу обратиться по имени, пока клиент сам его не назовет. И еще этот красный огонек в верхнем левом углу – разговор записывается. А значит моя обязанность – говорить строго по инструкции. И я жду, пока она решится на следующий шаг.

На том конце воображаемого провода тишина. Так всегда. У меня есть минимум 5 секунд. Кажется, мелочь. Но этого вполне хватит, чтобы сделать один глоток кофе и спокойно продолжить ожидание ответа.

– Я... я... – шепчет робкий женский голос, – я... обычная... – и дальше хлюпанье носом.

После фразы «я обычная» всегда следует хлюпанье носом. Это самые страшные слова, которые только можно о себе сказать.

Мы живем в совершенном мире. Здесь все люди по умолчанию уникальные, все особенные, все исключительные. У каждого есть свой талант, своя суперсила. Не обязательно

быть гениальным танцором, музыкантом или химиком, чтобы быть особенным. Достаточно найти точку пересечения: что нравится и что отлично получается – и ты будешь способен изменить целый мир.

Вот, как это работает. Допустим, девушка находит свою уникальность в шитье. Она придумывает неповторимые модели платьев, подбирает для них подходящие ткани и безупречно отшивает. Другая девушка покупает себе то самое платье, которое идеально подчеркивает фигуру и делает ее просто неотразимой. Она чувствует себя в этом наряде уверенно и радостно. С такой сильной энергетикой красавица заходит в магазин и с улыбкой обращается к кассиру – делится с ней своим настроением. Теперь кассир ощущает прилив сил и радости и в ответ улыбается следующему покупателю в очереди. А там писатель, которого покинула муза. Вот уже несколько недель он ходит угрюмым и ничего не может написать. Но эта искренняя улыбка наполняет его энергией и дает надежду – добро рядом. Вдохновленный писатель бежит домой, чтобы поскорее написать новый рассказ, который в последующем заставит улыбнуться и поверить в свои силы тысячи читателей. Казалось бы, все началось с банального увлечения шитьем, а закончилось исцелением душ. Когда каждый на своем месте, когда каждый занимается своим делом, только тогда возможно изменить мир к лучшему.

«Мы живем в совершенном мире», – так написано на всех рекламных плакатах. Но это неправда. Как вампиры под по-

кровом ночи, здесь спрячутся те, кто так и не нашел в себе свою особенность. Я знаю, потому что я – одна из них. Одна из тех, с кем каждый день веду длинные телефонные разговоры. Я – обычная.

Ульяна продолжает хлюпать носом в трубку. А я держу себя в руках. Не успокаиваю, не говорю, что все будет хорошо, не обещаю, что все проблемы – это мелочи. Я не циничная, нет. Просто жалость – последнее, что нужно обычным людям.

– Как вас зовут? – спокойно спрашиваю я.

– Ульяна, – робко отвечает девушка.

– Меня зовут Мара, – читаю я с листа, что висит рядом с монитором. – Я консультант корпорации «Обычные люди». Вы можете задать мне любой вопрос, касающийся нашей деятельности. При необходимости я назначу для вас персональную встречу с мастером по поиску своей особенности. Что вас беспокоит, Ульяна?

– Я обычная, – повторяет девушка уже спокойным голосом.

И я почувствовала, как в этот момент она вытерла слезы. Ей было больно. Наверняка, ей было больно. Но от чего? От осознания своей обычности или от того, что она призналась в этом кому-то еще?

– Когда вы это поняли, Ульяна? – задаю я вопрос строго по списку.

Моя задача – определить: действительно ли звонит обыч-

ный человек, и ему нужна помощь специалиста или же это всего лишь сезонная депрессия и банальное сомнение в себе. Я всего лишь задаю вопросы по списку, в общем, ничего такого супер крутого. Пожалуй, справится каждый.

– Наверное, я всегда об этом знала, – отвечает Ульяна. – Но...

– Но?

– Это так стыдно... быть обычной... в мире выдающихся людей.

Вот, к чему приводит реклама и пропаганда совершенности. Если ты не такой, как все, значит, ты плохой. Если ты не особенный, значит, ты обычный. Если ты обычный, значит, тебе должно быть стыдно быть собой. А я просто хочу, чтобы нам позволили признать свою обычность и право жить рядом с особенными людьми. Без жалости и упреков.

– Хочется уже наложить на себя руки, – шепчет в трубку Ульяна. – Чтобы поскорее все это закончилось. Ну, а смысл? Если я никогда не стану гением, так зачем продолжать все это?

Я не знаю ответа на этот вопрос, поэтому просто следую своему списку:

– Вы кому-нибудь говорили об этом, Ульяна?

– Что вы, Мара, что вы, конечно, нет. Что обо мне подумают люди? Вокруг все такие успешные, талантливые, такие особенные... А я – обычная и чувствую, как выбиваюсь из этого мира. Если кто-то узнает, я же совсем останусь

без друзей. Нет, не могу этого допустить. Ведь наш разговор останется в секрете?

– Это один из принципов корпорации «Обычные люди». Можете не волноваться, все обращения строго конфиденциальны, – зачитываю я с листа.

Но замалчиваю следующую строчку: «Наша задача – помочь вам найти себя». Для меня это до сих пор загадка: можно ли помочь человеку найти себя. И что, если обычные люди действительно существуют? Что, если есть те, кому невозможно помочь? Ведь я – как-раз такая. И мне очень хочется разреваться в ответ. Но моя работа – говорить: «Вы все – совершенны, вы все – уникальны, вы все – особенные. У каждого есть свой исключительный талант. И мы поможем вам раскрыть свой потенциал. Вместе мы изменим весь мир». Верю ли я в эти слова? Неважно. Я должна так думать, так говорить. Я обещаю людям спасение, но себя спасти не могу.

Заглядываю в инструкцию и задаю следующий по списку вопрос:

– Ульяна, а вам когда-нибудь говорили, что вы обычная?

– Нет. Не помню. Я всегда всячески пыталась скрывать этот факт. Моя работа – хорошее прикрытие. Я учитель и всегда говорю, что моя особенность – это нести знания и растить хороших людей. Но я не чувствую в этом силы. Поэтому выдумываю себе хобби. Знаете, фото – это всего лишь мгновенье. И в это мгновенье можно стать кем угодно. Хоть крутым сноубордистом, хоть фитнес-леди, хоть умелой ре-

месленницей. На фото не видно ни страха, ни дилетантства, ни равнодушия. Это всего лишь мгновение, в которое люди с легкостью верят.

Как красиво сказала – думаю я и быстро чиркаю на бумажке: фото – это всего лишь мгновение. А вслух произношу:

– Понимаю, о чем вы, Ульяна.

Я – такая же. Мои друзья тоже думают, что я – умелая наездница. Но это не так. Я езжу на конюшню только, чтобы сделать фото с лошадьми. А ездить верхом не умею, более того, побаиваюсь животных. Но эти фото как будто показывают: я особенная, такая же как и все люди. Это моя гарантия. На самом же деле, я – обычная. Такая, какой стыдно быть в нашем совершенном мире.

– Никто не подозревает, что я обычная, – говорит Ульяна, – все думают, что я – успешная и счастливая. Но это всего лишь маска, в которой я уже устала ходить.

– Вы готовы снять эту маску? – задаю я вопрос. – Признать свою обычность и смириться с ней? Или хотите все-таки найти свою уникальность и стать особенной?

– Я хочу быть особенной, – не задумываясь, отвечает Ульяна. – Хочу быть, как все. Как в вашей рекламе.

Наша реклама обещает из обычного человека сделать особенного. И это еще одна неправда. Это всего лишь рекламный трюк, на который купится обычный человек в отчаянии. На самом деле, задача корпорации «Обычные люди» – позволить самому себе стать собой. И вот тогда мы сможем из-

менить весь мир. Это нам втолковывали на курсах. А еще то, что «такая задача не продает». Никто не хочет быть собой. Все хотят быть особенными.

– Мара, я правда очень хочу стать особенной, – уверенно повторяет Ульяна.

– Это правильное решение, – зачитываю я по своей инструкции. – Я запишу вас на встречу с мастером. На следующей неделе. Вторник. Подходит?

«Прощай, Ульяна, пусть у тебя все будет хорошо», – произношу я мысленно после окончания звонка. Больше мы не услышимся. Ведь я – всего лишь консультант колл-центра. Принимаю заявки и распределяю клиентов по мастерам, чья работа – помогать обычным людям в обретении себя.

***

После работы я выключаю компьютер, складываю свое бахралишко в сумку и говорю всем, что иду на танцы. Как бы в доказательство показываю сменную форму. Но это неправда. Я иду в ближайший к дому супермаркет, покупаю там что-то вроде замороженной пиццы и заваливаюсь перед телевизором – смотреть на особенных людей.

Телевидение создано для таких, как я, для обычных. Поэтому при встрече все говорят, что не смотрят его. Ведь особенным людям нет необходимости подсматривать за чужими жизнями, у них есть своя. Когда речь заходит о телевидении,

я тоже морщусь и говорю, что это отстой для обычных людей, ну а мы же – не такие. Но я обманываю. Впрочем, как всегда.

Поэтому я откусываю огромный кусок мерзкой пиццы из микроволновки и нажимаю на кнопку второго канала. Здесь моя любимая программа – ток-шоу «Обычно-необычное». Ведущий показывает графики на экране и объясняет:

– За последний месяц рейтинги канала выросли на 1,3%. Согласно статистическим данным только нашу программу смотрит порядка десяти тысяч человек. Больше аудитория – только у сериалов после новостей. Поэтому я хочу обратиться к гостям в студии: действительно ли мы живем в совершенном мире, где каждый человек уникален? И кто тогда наша аудитория? – показывает на график ведущий.

Вот они все обычные люди. Десять тысяч потенциальных клиентов нашей корпорации. И я – часть этого мира.

– Так что же, обычные люди – это миф или реальность? – повторяет вопрос ведущий.

В руки берет микрофон некий дядька, и его лицо кажется мне знакомым. Он говорит:

– Конечно же, это миф. Никаких обычных людей нет. Это ложь и выдумка. Все люди в нашем мире особенные.

– То есть вы хотите сказать что корпорация «Обычные люди» – это обман? – задает вопрос ведущий. – Чем же они там занимаются, если обычных людей нет?

– Я не знаю, чем на самом деле занимается эта корпора-

ция, – снова говорит тот дядька. – С точки зрения закона они абсолютно чисты.

– Ну, а как вы прокомментируете рейтинги каналов? – снова задает вопрос ведущий.

– Это тоже глупости, – отвечает дядька с усмешкой. – Все смотрят телевизор, но стыдятся в этом признаться. А вот мне не стыдно. Заявляю, что регулярно смотрю телевизор. И это не мешает мне быть особенным человеком.

– В чем же ваша суперсила? – спрашивает ведущий и улыбается.

– Я мастерски сглаживаю углы и не даю разгореться конфликту.

И тут я его узнаю. Да, я вспомнила этого дядьку. Он был нашим клиентом. Он был обычным, а теперь «мастерски сглаживает углы». И делает это действительно мастерски. Это первый выпуск ток-шоу без ругани и перекрикивания друг друга.

У меня звонит телефон, и я в панике хватаюсь за пульт в поисках кнопки громкости.

– Мара, привет, – говорит моя подруга. – Чем занимаешься?

Я как раз успеваю дожевать кусок пиццы и вытереть жирный рот рукавом рубашки.

– Привет, – говорю. – Только что пришла с танцев.

– Как здорово. Что у вас сегодня было? Сальса?

– Ага, – соглашаюсь я, хотя первая ассоциация у меня с со-

усом, а никак не с танцем.

– Мара, когда ты уже покажешь все свои умения? Я очень хочу посмотреть.

– У меня пока не очень получается, – вру я беспощадно. – Стесняюсь. Ты же знаешь, мне нужно, чтобы все было идеально.

– Вот не надо тут скромничать. Может, встретимся сегодня?

Я чувствую опустошение и разочарование от еще одного обычного дня. Никуда идти совсем не хочется. А тем более, изображать успешность в кругу особенных друзей.

– Ой, – говорю я как можно более огорченно, – Серж готовит для меня какой-то сюрприз сегодня.

Серж – это мой подставной возлюбленный. Мы встречаемся примерно раз в месяц и проводим совместные фотосессии, где изображаем безграничное счастье и океан любви. Периодически появляемся в компаниях наших друзей для поддержания легенды. Просто особенные люди не могут быть одинокими. Только обычные. В общем, так оно и есть.

– Ну, тогда я жду подробностей! – завизжала от восторга подруга.

– Обязательно, – соглашаюсь я. У меня как-раз в запасе есть фото с огромным букетом.

Кладу трубку и иду в ванную. Вечерний душ и под одеяло. Посмотреть какое-нибудь кино о поиске смысла жизни. Шутка ли, но мне почти 35 лет, а я до сих пор не знаю, кем

хочу стать, когда вырасту.

Я думала, что мой талант – заправлять финансами и быть прям такой деловой леди в юбке-карандаш и черных лодочках. Но три года назад я решила перестать обманывать хотя бы себя. Ну, какой из меня финансист? А эта работа в банке – страшнейшая нудота.

Так я начала искать себя и оказалась на обучающих курсах корпорации «Обычные люди». В какой-то момент я впустила в свой мозг сказочную мысль: моя миссия – стать мастером и помогать обычным людям находить свою особенность. Но провалила квалификационный экзамен три раза и застряла в службе колл-центра. Так я совсем потеряла всякую надежду обрести свою суперсилу. Смирилась с обычностью, но все еще не могу говорить о ней вслух.

***

– Мара, тебе надо зайти в приемную, – раздается голос над моей головой.

Я отрываю взгляд от своей инструкции, которую и так знаю наизусть, но почему-то все равно постоянно туда подглядываю. Возле меня, скрестив на груди руки, стоит секретарь нашего босса и постукивает заостренным носом туфли. Я только-только завершила очередной разговор с клиентом и еще не успела произнести в мыслях свое традиционное: «Пусть у тебя все будет хорошо».

– В смысле? – спрашиваю я.

Я не сотворила ничего ужасного. Все мои рабочие дни обычнее обычного. За что меня к боссу?

– Там ЧП и все ждут тебя, – отвечает девушка, чье имя я наверняка когда-то знала, но забыла из-за отсутствия надобности.

– Но я ничего не сделала, – говорю я, медленно снимаю гарнитуру и встаю с кресла.

Мы идем по коридору, затем едем в лифте и снова идем по коридору. Секретарь молчит и всячески игнорирует мои вопросы.

В приемной атмосфера так себе. Босс всех боссов сидит за своим столом с угрюмой физиономией. А вокруг него туда-сюда наяривает, будто фурия, Нина. Нина считается самым крутым мастером в нашей корпорации. Она стойкая, уверенная в себе, пробивная, целеустремленная – она особенная, она помогает людям находить себя.

– Вы меня звали? – как бы извиняясь, спрашиваю я и подхожу ближе к столу.

– У нее ничего не получится! – почти визжит Нина и тычет в меня пальцем. – У нее ничего не получится. Она провалит нашу миссию и поставит крест на всей корпорации. Она всего лишь консультант колл-центра. Звезда здесь я. Я – звезда. А она все испортит.

– Нина, – шикает в ее сторону босс Павел, а потом обращается ко мне: – Мара, садись.

И я сажусь, вздрагивая от страха неизвестности. Я ничего не сделала. Я ни в чем не виновата.

– Мара, – продолжает Павел, – ты приняла звонок от... – он останавливается и бросает взгляд на бумаги, – Ульяны. Это было в прошлую среду, в три часа дня.

– Ульяна? – переспрашиваю я и задумываюсь.

Я судорожно перебираю в памяти все звонки, а их было так много. Так, так, так. Ульяна, да! Это она сказала красивую фразу про фото и мгновение.

– Да, я разговаривала с Ульяной, – говорю я. – Все было строго по инструкции, вы можете проверить запись. Почему я здесь?

Я начинаю волноваться. Неужели она пожаловалась на меня? Но на что? Я сделала все по инструкции.

– Ульяна сейчас в зале ожидания, – говорит Павел. – Знаешь, чего она хочет, Мара?

– Нет, – отвечаю я, – понятия не имею.

– Знаешь, чего она хочет? – повторяет Нина и склоняется прямо надо мной.

Ее грозная фигура давит на меня. Мы не знакомы лично. Я просто знаю, что она – лучшая в этом деле, и распределяю к ней на прием некоторых обычных людей. Но сейчас Нина переходит все личные границы, и мне становится жутко.

– Нина, спокойнее, – говорит Павел и снова обращается ко мне: – Мара, Ульяна хочет, чтобы ты стала ее мастером.

– Что? – не понимаю я. – В смысле? Как?

Я растеряна. И все еще не понимаю, что происходит. Я – не мастер. Я обычная. Так почему же кто-то хочет, чтобы я стала его мастером?

– Но я не мастер, – так и говорю.

– Вот именно! – восклицает Нина. – Вот именно! Это я мастер. А эта тупица ничего не понимает. Она все испортит.

– Она права, – соглашаюсь я с Ниной. – Я не могу быть мастером, – или просто начинаю оправдываться. – Я даже не сдала квалификационный экзамен. У меня не получится. И почему вообще я?

– Мара, у тебя нет выбора, – говорит Павел.

А я думаю про себя: выбор есть всегда.

– Либо ты берешься за это дело, – продолжает он. – Либо мы теряем клиента и получаем пятно на репутации. Еще никогда за всю историю корпорации никто не отказывался от наших услуг.

– Но почему я? – повторяю вопрос.

– Да потому что ты всего лишь первая подвернулась под руку, – выкрикивает Нина. – А ты что подумала, что какая-то особенная? Что все хотят именно тебя?

– Нина, помолчи, – снова шикает Павел.

Но успокоить фурию это все равно не помогает, а босс поворачивается ко мне:

– Просто Ульяна уже рассказала тебе свою историю, и она не готова повторить ее кому-то еще. Ты же знаешь, как болит у обычных людей.

«Знаю», – думаю я про себя.

– Ульяна готова общаться только с тобой, Мара, – говорит Павел.

Он протягивает мне папку с документами и добавляет:

– Здесь сценография вашего разговора и инструкция мастера. Договор клиент уже подписал. И еще, Мара, – босс замолкает всего на секунду, смотрит мне прямо в глаза и произносит: – Ты никогда не узнаешь наверняка, пока не попробуешь. Экзамены ничего не решают, решаешь только ты.

***

Там, за дверью, Ульяна. Мое испытание, мой тест, мой экзамен, моя проверка, мой шанс. Она надеется, что сейчас в комнату зайдет мастер, и случится чудо. Но зайду только я. И чем все это закончится, неизвестно никому. Что ты чувствуешь, когда очень долго чего-то хочешь и вдруг это получаешь? Страх. Страх, что ты всего этого не достоин.

– Здравствуйте, Ульяна, – говорю я, заходя в кабинет. – Меня зовут Мара. Я ваш мастер от корпорации «Обычные люди».

– Это неправда, – говорит она.

Ульяна настроена то ли враждебно, то ли просто недоверчиво. Я ощущаю ее неприятие меня, как мастера. Или приятие от безысходности. И да, Нина была права: дело в том, что я просто первой подвернулась под руку, а не в том, что

я особенная.

Я пытаюсь как бы невзначай рассмотреть Ульяну и первое, на что обращаю внимание, это ее волосы. Они благородного светлого оттенка, как будто натуральные. Но три миллиметра темных корней говорят об обратном. Чтобы добиться такого цвета, я сменила больше пяти парикмахеров, а в итоге ничего так и не получилось. Я – пережатая блондинка с дыплячьим оттенком и, кажется, это навсегда. И вот я, как зачарованная, смотрю на ее благородные белые волосы, аккуратно уложенные в романтическую ракушку, и не могу проронить ни слова.

– Это неправда, – повторяет Ульяна и я возвращаюсь к реальности. – Вы не мастер. Вы всего лишь консультант колл-центра, который принял мой звонок.

И я представляю насколько сильно болит у нее внутри, раз она сознательно отдает свою жизнь в руки неумехи из колл-центра.

– Так и есть, – соглашаюсь я и сажусь напротив. – Я не мастер. Хотела им стать, но провалила квалификационный экзаме́н. Три раза. Решила, что это совсем не мое. Понимаете, Ульяна, – говорю я и наклоняюсь вперед, – как мастер, я абсолютно бесполезна.

– Понимаю, – отвечает она.

– И все же...

– И все же я хочу, чтобы именно вы были моим мастером. Мне стало бы легче, если бы она добавила: потому что я

так чувствую, потому что внутри себя я знаю, что только вы сможете мне помочь. Но она говорит:

– Потому что я хочу, чтобы вы были единственным человеком, который узнает мою тайну.

Какая почетная миссия. Но я хочу вернуться в свой отдел колл-центра, где от тебя не ждут ничего выдающегося. Я не хочу больше быть мастером.

– А если у меня не получится? – задаю резонный вопрос.

– Но попробовать-то стоит, – отвечает Ульяна. – Что может быть хуже простого «не получится»?

Ничего.

– Особенность нашей программы заключается в том, – говорю я уже в роли мастера, – что мастер, то есть я, должен полностью погрузиться в вашу жизнь. На 30 дней я переезжаю в ваш дом, наблюдаю за вашим бытом, задаю сотни вопросов и провожу с вами практики. Сложно объяснить на словах, как это все будет происходить. Просто вы должны мне довериться. По истечении этого срока мы найдем вашу особенность, и вы станете уникальным человеком, как все в этом совершенном мире, – говорю я по инструкции, а потом добавляю от себя: – Ну или не станете. Конкретно в нашей ситуации риск провала велик. Вы уже подписали договор о том, что претензий иметь не будете при любом исходе. Но это еще нужно понимать головой.

– Я понимаю, – соглашается Ульяна.

– Что ж, тогда приступаем с завтрашнего дня. Сейчас по-

требуется ключ от вашей квартиры, помощница сделает дубликат для меня. Потому что уже с самого утра, пока вы будете на работе, я начну исследование вашего внутреннего мира, то есть – дома.

– Мара, раз уж мы будем жить в одном доме, – говорит Ульяна и протягивает мне связку ключей, – может, перейдем на ты?

Я киваю в знак согласия и беру в руки ключи. Пора открыть этот ящик Пандоры.

***

В 10 утра я переступаю порог своего нового дома. В один небольшой чемодан уместилась целая обычная жизнь. Я привезла с собой себя: сменную одежду и предметы первой необходимости. Этого вполне должно хватить на четыре недели. Больше у меня ничего нет, больше мне ничего и не надо.

Пока Ульяна на работе, я должна провести исследование ее внутреннего мира – ее дома. В нашей корпорации убеждены: жилище человека отражает его суть. Так написано в инструкции. В этой сути и заключается особенность каждой отдельной личности. И еще: ответ всегда на поверхности. Мне просто нужно обратить внимание на то, что клиент сам не замечает или отказывается признавать очевидное.

Ее квартира завалена, нет, не хламом, просто разными

жизнями. И в этой паутине судеб мне предстоит отыскать истинную Ульяну.

У самого порога я натыкаюсь на горный велосипед. У него спущено заднее колесо, а переднее так себе накачено. Я провожу рукой по раме и смотрю на кончики пальцев – они черные от годичного слоя пыли. Вряд ли Ульяна – заядлый велосипедист.

Прямо под ногами валяется несколько пар обуви. Здесь и туфли, и босоножки, и кеды. Все разные, как будто на любой случай жизни. Я открываю тумбу, а оттуда вываливается еще несколько туфель. Может, Ульяна – модный эксперт или стилист? Надо запомнить эту мысль.

А в голове звучит как заклинание: ответ всегда на поверхности.

Проблема в том, что не надо глубоко копать и анализировать. Первое, что бросается в глаза и отдает в сердце, и есть правильный ответ. Так происходит у настоящих мастеров. Им никогда не приходится жить у клиента все четыре недели, профи завершают дела гораздо раньше срока. Но я – ненастоящий мастер. Я люблю анализировать и копать, копать, копать. Я хватаюсь за глотку ситуации и не отпускаю ее до самого конца. Может, поэтому так ничего и не происходит. Нет, я точно провалю это задание. Быть мастером – не для меня, это не мой талант, не моя особенность. Давайте будем честны, этот эксперимент можно считать проваленным.

Я прохожу, или точнее пробираюсь через груды хлама, в гостиную. Мой взгляд привлекает огромный книжный шкаф, от самого низа до самого верха забитый книгами. «Вот оно!» – щелкает у меня внутри. Ульяна – литературный критик! Или самый настоящий писатель!

Спотыкаясь о корзинку с рукоделием, я подхожу к шкафу и провожу рукой по корешкам книг, вдыхаю их запах. Здесь чувствуется энергия. Я перебираю книги и растворяюсь в этом пространстве на несколько часов.

Короткое «пи» на мобильном телефоне возвращает меня к реальности. На мониторе высвечивается напоминание: «Что ты сейчас чувствуешь?» Я закрываю книгу, ставлю ее на место и набираю номер клиента.

– Алло, – шепчет в трубку Ульяна.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спрашиваю я.

– Чего? – возмущенно говорит Ульяна. – Мара, у меня сейчас урок.

Точно. Ульяна – учитель русского языка и литературы. Теперь я понимаю, откуда в ее доме так много книг. Хотя внутри нее вполне может скрываться писательский потенциал. Ну, а вдруг?

– Ты не могла бы перезвонить позже? – шепчет в трубку Ульяна.

– Нет, – отвечаю я и повторяю вопрос: – Что ты сейчас чувствуешь?

Это часть программы. В течение дня я должна останоавли-

вать клиента в моменте и выяснять: что он чувствует, что он делает в сию секунду и как это помогает ему в реализации целей и желаний. Так приходит чувство осознанности и умение фокусироваться на важном. Ведь в течение дня нас отвлекает куча всякой чепухи, которая тратит наше время и забирает энергию, ничего не отдавая взамен. Тренировка осознанности включает мозговые фильтры. В общем, я не знаю, как это работает на практике, но так написано в инструкции.

– Что ты сейчас чувствуешь? – еще раз повторяю я вопрос.

– Я безумно раздражена, – наконец отвечает Ульяна и замолкает.

Дальше мой ход:

– Почему ты раздражена?

– Потому что она снова выкрасила волосы в синий цвет! – полушепотом визжит Ульяна в трубку. – Это запрещено правилами школы. И ее родителей предупреждали миллион раз. Но она все равно выкрасила волосы в синий. И мне, как классному руководителю, за это влетит. Но разве я виновата?

– Ругаешь ее сейчас?

– Ну, конечно.

– Ругаешь? Значит, в данный момент тебя переполняет раздражение, гнев, злость. Эти чувства наполняют тебя энергией? Они делают тебя счастливой? – я задаю следующий вопрос из напоминания.

– Эм, в смысле?

– Ну, вот то, что ты делаешь в сию секунду, куда оно тебя приводит? Помогает ли оно мечте осуществиться?

– Я не знаю, Мара. Ты задаешь дурацкие вопросы и совсем не вовремя.

В этом суть. Потому что все важные вопросы всегда как будто бы не вовремя. А вот у глупостей и негатива в нашем мозге, видимо, безлимитный абонемент.

– Вряд ли раздражение и злость помогут добиться чего-то хорошего, – отвечаю я вместо Ульяны.

– И что же мне теперь делать? – спрашивает она.

– Смотри, ты уже осознаешь, что в данный момент испытываешь раздражение, и понимаешь, что это раздражение тебе ни к чему. Просто замени негативную эмоцию на другую, более конструктивную.

– Просто взять и заменить?

– Да!

– Так просто?

– У всего в этом мире есть две стороны: черная и белая. Но только ты решаешь, на какую сторону смотреть. И когда осознаешь действительность, все становится просто, – говорю я и чувствую себя очень умной, хотя это всего лишь цитата из инструкции. – Вот отбрось всю свою злобу, забудь, что ты учитель и кому-то что-то должна. Посмотри на эту синевласку и скажи, что ты чувствуешь.

Несколько секунд молчания. Наверное, Ульяна внимательно вглядывается в ученицу.

– Мне смешно, – говорит Ульяна. – Хочется просто заржать.

– Почему? – спрашиваю я.

– Да покрасили криво. И розовый цвет ее лицу пошел бы больше.

– Вот видишь, даже в этой ситуации можно найти что-то забавное, – говорю я. – Да, она нарушила правила. Но это не твоя вина, ты не можешь контролировать всех детей. И ты не имеешь права указывать им, как жить и что делать со своими волосами. Не можешь изменить ситуацию, так хотя бы измени свое отношение к ней – вот такой банальный совет. Поржи от души. Ты осознаешь, что происходит, а значит, можешь выбирать какие чувства тебе чувствовать.

– Я попробую. Только ты больше не звони мне в рабочее время.

– Хорошо, – обещаю я, умалчивая, что следующее напоминание будет через два часа. – И еще...

– Да?

– Ты пишешь?

– Что пишешь?

– Ну там стихи, рассказы, романы?

– Нет. Никогда не пыталась. Мне больше нравится читать.

– Все, поняла, – говорю я и нажимаю на кнопку отбоя.

Значит, писательство можно вычеркнуть из списка.

А в голове звучит: ответ всегда на поверхности.

Я убираю телефон в карман, а мой взгляд падает на кор-

зинку с рукоделием. Посмотрим, что́ здесь у нас. Нечто, связанное наполовину, нечто, вышитое наполовину, нечто, сшитое наполовину. Что ж, рукоделие – явно не конек Ульяны.

Ульяна, Ульяна, в чем же твоя суперсила? – задаю я вопрос в пустоту.

Здесь красиво. Мне нравится. Просто очень много лишнего и ненужного. Кажется, она хватается за все подряд. И это хорошо. Она ищет себя. А я? А я не делаю вообще ничего со своей жизнью. Даже не пытаюсь ничего изменить.

Здесь красиво. Она могла бы стать дизайнером интерьеров. Да, если выкинуть все лишнее, будет уютно.

Я продолжаю свою ревизию, но так и не нахожу ничего особенного. Обычный дом обычной девушки с обычными занятиями. А может просто я – не мастер. Это все я. Я не способна разглядеть в этих обычных вещах чего-то необычного.

А в голове звучит: ответ всегда на поверхности.

***

– Что ты сейчас чувствуешь? – задаю я вопрос и морщусь, как будто представляя, что Ульяна сейчас будет гневаться на меня. Это уже пятый звонок за день.

На том конце воображаемого провода шум, треск и еще куча непонятных звуков. Возможно, услышав в очередной раз этот дурацкий вопрос, Ульяна бросила телефон в мусоропровод.

А потом я слышу, как открывается входная дверь и с деревянной лопаточкой, которой мешала овощное рагу, выхожу в коридор.

– То, что ты уже достала, – говорит Ульяна, вваливаясь в квартиру с двумя огромными пакетами. Ее взглядом можно убивать, как лазером. Это точно.

Ульяна плюхается на банкетку возле входной двери, бросает на пол пакеты с ученическими тетрадями и пытается перевести дух.

– Ты собираешься по пять раз в день спрашивать, «что я сейчас чувствую»? – говорит она, передразнивая меня.

– На самом деле, по семь раз, – отвечаю я и закрываю лицо руками.

– О, боже, – только и произносит Ульяна и начинает биться затылком о стену. – Просто убейте меня сразу. Я уже ничего не хочу. Не хочу быть особенной.

Ульяну ломает, и это нормально. Она – самолет, который попал в зону турбулентности. Но после хорошей тряски самолет всегда набирает высоту. Возможно, у нас может что-то получиться. И я не сдамся. Не в первый день, так точно.

– Так что ты сейчас чувствуешь, Ульяна? – повторяю я вопрос.

Когда сознание отключается, человек легко вовлекается в игру негативных эмоций. Наша задача сейчас: как можно чаще включать эту самую осознанность и не позволять негативу проникать внутрь и выкачивать энергию. Потому что

именно энергия необходима для поиска себя. И это очередная цитата из инструкции.

– Я устала, – отвечает Ульяна.

– Хочется больше энергии? – спрашиваю.

– Энергия не помешала бы.

– Тогда у меня для тебя хорошая новость. Я знаю, как быстро и бесплатно достать дозу энергии.

Следую строго по инструкции. Пока Ульяна переодевается и отпускает рабочие мысли, я готовлю два больших мусорных мешка и еще раз внимательно окидываю взглядом квартиру.

– Я вся твоя, – говорит Ульяна и плюхается на диван.

Я стою напротив нее с папкой в руках – там моя шпаргалка. Чувствую себя то ли клоуном, то ли каким-то конференсье. Так ли чувствует себя настоящий мастер?

– Сейчас мы будем высвобождать твою энергию, – говорю я как можно задорнее. – Для поиска твоей особенности нам потребуется хороший уровень энергии. Ты должна чувствовать себя легко и свободно. Самый простой способ почувствовать силу – это отказаться от каких-то дел из твоего мысленного списка или просто завершить их.

– Ничего не понимаю.

– Все, что ты начинаешь, но не доводишь до конца, забирает твою энергию. А ты этого даже не замечаешь. Вот смотри, – я беру в руки корзинку с рукоделием. – Что это?

– Я пыталась шить, – отвечает Ульяна.

– Почему не дошла до конца?

– Не было желания, и я оставила на потом.

– Теперь нам надо решить, что мы будем делать с этой вещью: либо ты ее дошиваешь в самое ближайшее время, либо мы ее выбрасываем прямо сейчас. Что ты решаешь?

– Я не хочу ее дошивать. Мне вообще не нравится это занятие.

– А зачем хранишь? – спрашиваю я и отправляю куски ткани в мусорный пакет.

Ульяна пожимает плечами. Она не знает. А я беру следующую вещь из корзинки. Это что-то вязанное.

– Что это? – повторяю я вопрос.

– Знаешь, – говорит Ульяна, – можешь выкинуть всю корзинку. Ничего из этого я не буду заканчивать. Мне вообще не нравится рукоделие.

– Обрати внимание. Очень важно понимать: что тебе не нравится и просто не делать этого, – говорю я и вываливаю несостоявшееся рукоделие в мусорный мешок, а следом отправляю туда и саму корзинку.

– Мне однозначно стало легче, – говорит Ульяна.

Ну, еще бы! Список жизненных дел автоматически стал короче, и это, действительно, великое облегчение для души.

– Почему велосипед покрыт пылью? – спрашиваю я дальше.

– Прошлым летом у меня спустило колесо, – отвечает Ульяна. – Я все думала: ну, вот подкачаю колесо и буду сно-

ва кататься. Каждый день прохожу мимо велосипеда и каждый раз думаю: надо подкачать колеса. И так постоянно откладываю на потом.

– Может, стоит выбросить велосипед?

– Нет! – Ульяна подрывается с места, готовая грудью отстаивать своего железного друга. – Я люблю велопрогулки!

– Отлично, ты знаешь, что любишь делать. Но почему-то этого не делаешь. Что нужно, чтобы ты снова каталась на велосипеде?

– Подкачать колеса.

– Что нужно, чтобы подкачать колеса?

– Насос.

– Где взять насос?

– У меня в шкафу, – говорит Ульяна и закрывает лицо руками от стыда.

– Хочешь сказать, что все это время насос был в твоём доме, а ты просто ленилась довести дело до конца, но при этом каждый день мучилась от незавершённого дела?

– Так и есть.

– Встаем и делаем дело.

– Прямо сейчас?

– Вот прямо сейчас, встаем, берем насос и качаем колеса.

Я не двинусь с места, пока это дело не будет завершено.

Ульяна покорно встала с дивана и пошла заканчивать дело, которое требовало не более тридцати минут, но которое при этом ждало своего часа больше года.

На завершение всех текущих дел мы потратили неделю. Очистили пространство от ненужных вещей, старой одежды, разбитых кружек и прочей ерунды. Ульяна отказалась от идеи освоить технику скорочтения, а значит, перестала грызть себя за то, что никак не может приступить к занятиям. Я видела, как она меняется, как она становится радостнее. Но я все еще не видела, в чем же ее особенность.

***

После ужина мы устраиваемся на диване. Я хочу услышать ее историю. Я, правда, хочу узнать как можно больше об этой девушке, узнать ее путь, и почему она оказалась в этой кризисной точке.

– Расскажи мне о себе, – говорю я и открываю блокнот для пометок.

– Ммм, – Ульяна задумывается.

Ее белые волосы заплетены во французскую косу, которая изящно лежит на плече. Я хочу спросить, кто ее заплетает, но решаю, что сейчас не место и не время.

– Я не знаю, что тебе рассказать, – говорит Ульяна. – Моя жизнь самая обычная. Без взлетов и падений, без достижений и чего-то такого необычного. Моя жизнь – так себе сценарий для фильма.

– Давай с самого начала. Где ты родилась?

– Я родилась здесь и никогда не жила в других городах.

Моя семья простая. Мама – педагог, папа – юрист. Мое детство было обычным. Все свое время я проводила в школе, и мне всегда говорили, что моя особенность – нести знания. Но я не чувствую этой особенности. У меня не получается быть крутым учителем.

– О чем ты мечтала в детстве? – задаю я вопрос из инструкции.

– Ни о чем. Мне нельзя было мечтать. Ну, или бесполезно. За меня и так все решили. Родители сказали, что мне надо преподавать, что в этом мой талант. А я не знаю. Я просто им поверила.

– А тебе хоть нравится преподавать? – спрашиваю.

– Это очень благородная работа. И от учителя многое зависит – то, какими ты вырастишь детей, – Ульяна пытается уйти от ответа. – Просто мне не везет со школами. Не знаю, почему. Сменила их уже четыре и каждый раз что-то не то. Я не чувствую себя там комфортно. Не чувствую себя как дома. Я не могу найти школу, в которой мне будет хорошо.

– А тебе хоть нравится преподавать? – повторяю я вопрос.

– Больше я ничего не умею. Только преподавать, – опять уклоняется от ответа Ульяна. – Ты сама видишь, как много здесь всего, но у меня ничего не получается. Больше я ни на что не способна.

– А тебе хоть нравится преподавать? – настаиваю я на своем.

Ульяна молчит. Возможно, сейчас именно тот момент, ко-

гда она впервые пытается осознать: нравится ли ей то, что она выбрала делом всей своей жизни. Ульяна робко качает головой и, кажется, еле сдерживает слезы. Я понимаю, что учительство ей совсем не нравится.

– Может быть, ты не можешь найти свою школу, потому что твое место вовсе не в школе? – я задаю риторический вопрос. – И Вселенная таким образом просто дает тебе знаки, что ты идешь не туда? Что тебе надо заниматься чем-то другим?

– Но чем? Я не знаю, что могу.

– Так я здесь именно для этого. Чтобы найти то, что тебе нравится. Чтобы найти твою особенность. Чтобы найти то, что позволит тебе изменить мир.

Мой телефон издает короткое «пи». Я смотрю на экран, а затем обращаюсь к Ульяне:

– Что ты сейчас чувствуешь?

– Боль, разочарование, обиду, – отвечает Ульяна.

– От чего?

– От того, что всю жизнь я делала не то, что мне нравится. И при этом считала себя бесталантным человеком. Я позволила кому-то сделать выбор за меня и согласилась на это чужое решение.

– Боль, разочарование и обида помогут тебе в поиске себя? – спрашиваю и сразу отвечаю: – Вряд ли, согласишься. Они разрушают, но никак не строят. Почему бы, в таком случае, не заменить их на радость, вдохновение и любовь?

– Какая уж тут радость-то?

– Ну, теперь ты знаешь, что тебе не нравится. А значит, можешь начать искать то, что нравится. И в этом поиске – радость, вдохновение и любовь – самые верные спутники.

– Легко сказать.

– Сейчас нужно искать то, чем ты готова заниматься целый день напролет. Просто подумай об этом. А я пока приму ванну и почитаю, – говорю я и хватаю с полки книгу, которую присмотрела еще в первый день.

Ульяна тут же вскакивает с дивана и выхватывает книгу из моих рук.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Я никому не даю свои книги. Никому. Они не покидают пределов этого дома в чужих руках.

– Но я же здесь.

– А ронять книги в ванную вообще могу только я.

– Ну, ладно, – говорю я и удаляюсь из комнаты, а спустя секунду возвращаюсь и спрашиваю:

– Как я пойму, что ты мне доверяешь?

– Я дам почитать тебе свои книги, – отвечает Ульяна.

– Понятно. То есть шансов пробиться к твоему сердцу у меня вообще нет.

Ульяна пожимает плечами и ставит книгу на полку.

***

Вторая неделя плавно перетекла в третью, а третья в четвертую. Время почти на исходе, а у меня паника. Потому что Ульяна – обычная. Это очевидно как белый день. Она берется за все, но ничего не доводит до конца. Ей интересно все сразу и одновременно ничего. И если ответ всегда на поверхности, то он такой: Ульяна – обычный человек. А это значит, что наш мир не такой уж и совершенный. Да, есть гении, но есть и обычные люди. Как Ульяна, как я. Уникальность каждого человека – просто байка. А быть обычным человеком – не так уж и стыдно. Должно быть не стыдно.

А может все еще проще: я – не мастер. Это не Ульяна, а я – обычный человек. А чем обычный человек может помочь особенному? И уж тем более изменить мир.

– Расскажи мне о самом ярком моменте своего детства, – говорю я и открываю блокнот для пометок.

– Я всегда ненавидела свою челку, – отвечает Ульяна. – Это было так по-детски.

Сегодня волосы Ульяны собраны в аккуратный конский хвост. Никакой челки. Даже намек на нее.

– Я ее просто ненавидела, – продолжает Ульяна. – А мама всегда обрезала мне челку по самые брови. Это было жутко. Я смотрела на ровесниц и завидовала им, потому что у них не было дурацкой челки. И они выглядели очень по-взрослому. Мне казалось, что отсутствие челки – это признак взрослости. А мне так хотелось поскорее вырасти. И однажды я решилась и сама обрезала свою челку прямо под корень –

чтобы навсегда от нее избавиться.

– Это же глупость, – удивляюсь я и начинаю смеяться.

– Глупость несусветная. Но тогда я не знала, что челку надо отращивать, чтобы она была по длине как все волосы. Я думала, что ее надо просто отрезать покороче.

– А что мама?

– Ох, как мне влетело за это. А потом челка долго отрастала, и это было просто ужасно.

– Смотри, что у нас получается, – говорю я и начинаю поделовому размахивать руками. – Однажды ты приняла решение, пусть даже оно было не очень правильным, но ты приняла его и решила действовать по-своему. А тебе за это решение здорово влетело. Что если ты перестала принимать собственные решения, потому что твое подсознание помнит, как это больно быть самостоятельной? Проще быть для всех хорошей и делать то, что они говорят, и быть такой, какой требуется обществу. Но сама ты при этом несчастна.

– Я не знаю, ты мне скажи. Ведь это ты здесь мастер.

Я не понимаю, пытается ли Ульяна меня подколлоть или поддержать. Все еще не понимаю, что за девушка сидит передо мной.

– Так что будем делать, мастер Мара? – спрашивает Ульяна.

– То, что делает тебя счастливой, а не твое окружение, – отвечаю я. – Сейчас мы составим список всего того, что тебе нравилось делать в детстве или хотелось бы попробовать.

Пришло время развлечься.

– Обернись вокруг, мы уже выбросили все, что я хотела бы попробовать. В этом мире не осталось ничего нового и увлекательного для меня.

– Забудь сейчас про дело всей жизни и свою особенность. Мы просто будем развлекаться. Диктуй, – говорю я и готовлюсь записывать.

– Мне нравилась ходить в кинотеатр и хрустеть в холодном зале попкорном, – вспоминает Ульяна.

– Кино. Отлично. Что еще?

– Музыка. Я слушала сборники на кассетах. Рисование. Прогоулки по озеру и в парке. Книги, конечно.

– А чего у тебя никогда не было? – задаю я вопрос из инструкции.

– Куклы! – моментально отвечает Ульяна. – У меня никогда не было красивой куклы. Помнишь, раньше были такие с пробором посередине головы, из которого пучком торчали волосы? Вот у меня такая была. Отстой полнейший.

– Что ж, сегодня отличный день, чтобы залатать эту дыру в твоём сердце, – говорю я и захопываю блокнот. – Десять минут на сборы, и мы идем в магазин.

– Зачем?

– За куклой, конечно.

***

Ульяна расчесывает длиннющие волосы куклы и буквально сияет от счастья. А я сижу в кресле напротив и наблюдаю за этим чудесным преобразованием, но все еще не могу понять, в каком направлении двигаться дальше. По вискам стучит: ответ всегда на поверхности. И мое время на исходе.

Что же такого необычного в этой обычной девушке?

Телефон издает короткое «пи», и я понимаю, что должна задать тот дурацкий вопрос.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спрашиваю я.

– Счастье, – не задумываясь, отвечает Ульяна.

Да уж, порой для счастья человеку надо так мало – всего лишь зайти в отдел с детскими игрушками.

– Это странно? – спрашивает Ульяна.

– Что странно?

– Ну, взрослая тетка играет с куклой и чувствует себя при этом счастливой.

– А разве смысл жизни не в том, чтобы чувствовать себя счастливой? И какая разница, что ты при этом делаешь? Можно? – говорю я и протягиваю руку.

Я кручу куклу в руках, а затем отдаю обратно хозяйке.

– Такая модная, такая красивая, – говорю я. – Хотелось бы мне быть такой.

– А что не так с тобой? – спрашивает Ульяна.

– Сегодня фотосессия, а у меня вот что на голове, – говорю я и показываю на свои ужасные волосы.

– Возможно, – она трогает руками мои волосы, – я смогу

с этим помочь.

– Правда?

– Да, – говорит она и показывает на свою прическу. – Это все я сама сделала.

Ульяна усаживает меня перед зеркалом и достает из-под кровати какой-то незнакомый чемоданчик. Черт, а вот под кровать я не додумалась заглянуть. Она набрасывает на меня накидку и раскладывает на столе парикмахерские принадлежности: мисочки, расчески, ножницы. Я ощущаю себя, как в настоящем салоне красоты, и с изумлением наблюдаю за Ульяной. Теперь она главная на этой площадке.

– Я хочу тебя покрасить, – говорит Ульяна. – Этот цвет просто ужасен.

Я молча киваю в знак согласия.

– Уберу желтизну и слегка затемню твой тон, – продолжает Ульяна. – Будешь выглядеть немного мягче и вместе с тем благороднее.

Я просто киваю. Потому что понятия не имею, что сейчас происходит.

– А стрижка, – говорит Ульяна и перекладывает мои волосы вперед, – думаю, тебе пойдет каре. Да, это вытянет лицо. И вообще – будешь красоткой.

Мне остается только кивнуть и ждать результата. Ульяна берет тюбики с краской и смешивает их в миске, добиваясь нужного оттенка. Она делает все очень сосредоточено, но при этом увлеченно. А я однозначно чувствую себя как

в настоящем салоне красоты. И в голове звучит: ответ всегда на поверхности.

– Ты прям как профессиональный парикмахер, – не выдерживаю и говорю я.

– Ой, скажешь тоже, – отмахивается Ульяна. – Цвет не тот получается. Я хотела немного другой оттенок.

– Цвет шикарен! – настаиваю я.

И это правда. Мои волосы никогда не были такого потрясающего оттенка.

– И каре так себе получается, – добавляет Ульяна.

– Неправда, – настаиваю я. – Все хорошо получается. Ведь это еще не конец. Мы же в процессе. Подожди, а ты что раньше никогда...

– Никогда. Ты первая.

– Да ладно? – удивляюсь я.

Не поверю, что Ульяна раньше никогда никого не стригла и не красила. Ведь у нее это отлично получается. И я вижу ее лицо – оно такое же счастливое, как при игре с куклой. Ну, за вычетом этого нездорового перфекционизма.

Когда мой новый образ завершен, Ульяна грустно подытоживает:

– Неидеально.

– Неидеально? – недоумеваю я. – Но это первый раз! В первый раз ни у кого не бывает идеально! Но с каждым разом будет получаться все лучше и лучше.

А я смотрю на себя в зеркало и не могу отвести глаз. Это

не я, нет, в отражении какая-то другая девушка. В отражении – та кукла, что я держала в руках пару часов назад. И она просто изумительна. У меня на глазах наворачиваются слезы. Всю свою жизнь я считала себя некрасивой, но только не сейчас. Я не знаю, в чем дело. В прическе ли? В цвете волос? Но почему ни один другой парикмахер не мог показать мне мою красоту? А эта обычная, на первый взгляд, девушка смогла.

– Это все глупости, – отмахивается Ульяна. – Быть парикмахером...

– Непрестижно? – я наконец-то нащупала истинный путь и продолжаю настаивать на нем. – Неблагородно? Что же скажет мама? Что же скажет кто-то в толпе? Почему вообще, если тебе что-то нравится, ты спрашиваешь разрешение у мира? Почему ты просто не возьмешь свое право на свой выбор?

– Потому что я – не парикмахер.

– А что мешает стать им? Если чего-то не умеешь, не значит, что этому нельзя научиться. То есть ты готова всю жизнь заниматься любимым, но якобы благородным делом вместо того, чтобы делать то, что тебе действительно нравится? Вот, что странно.

– Стричь волосы, Мара, – это не суперсила. Это не та особенность, ради которой я тебя наняла.

– Ты думаешь, что сейчас просто постригла мне волосы? О, как же ты ошибаешься.

– Что ты несешь?

– Любовь, – не задумываясь, отвечаю я первое, что приходит в голову, и вдруг все понимаю. Корпорация «Обычные люди» – это не про таланты и не про особенность. Это про любовь. Про любовь к своей жизни, своему делу, к себе. Про любовь к каждому прожитому дню, даже неидеальному. А там, где есть место любви, находится место и таланту.

На моем телефоне раздается короткое «пи». Нам не нужно смотреть на монитор, чтобы узнать, в чем дело.

– Что ты сейчас чувствуешь? – опережает мой вопрос Ульяна, и я отвечаю, расплываясь в улыбке:

– Воодушевление.

И это правда. Пусть Ульяна не признает, но только что произошло настоящее чудо. Теперь я точно знаю, что мне нужно сделать. И я уверена: Ульяна – особенная. У нее есть свой талант, и я знаю, как ей его показать. Эта девушка, она уникальная. И она способна изменить целый мир.

Я хочу все ей рассказать, но нас прерывает дверной звонок. Это к лучшему – словами ничего не докажешь. Пусть она походит со своими мыслями, а я пока поиграю в особенную жизнь на пару с Сержем.

– Так больше не может продолжаться, – выпаливает Серж, буквально врываясь в квартиру.

Он, встревоженный и чем-то обеспокоенный, просто мечется по коридору. Как та золотая рыбка в круглом аквариуме.

– Что больше не может продолжаться? – спрашиваю я.

– Мы должны все это прекратить, – продолжает бубнить Серж себе под нос.

Он даже не смотрит на меня. А в голове звучит: ответ всегда на поверхности. И я знаю этот ответ.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Ты прав. Мы должны все это прекратить.

Но я не добавляю: потому что ты действительно особенный и больше нет необходимости врать об этом.

И тут Серж поднимает на меня глаза и замирает.

– Ты изменилась, – говорит он.

– А, это. Всего лишь прическа, – отмахиваюсь я.

– Нет, дело вовсе не в прическе. Ты, правда, изменилась.

Что-то, что я не могу объяснить.

– Так что случилось? – спрашиваю.

– Я больше не хочу играть в особенного человека, – отвечает Серж. – Хочу быть настоящим, хочу быть собой. Ну и что, что я обычный. Ну и что, что у меня нет никаких талантов. Почему нельзя быть счастливым просто так? Почему обязательно нужно быть особенным?

Мою голову разрывает: ответ всегда на поверхности. И я не знаю, как ему сказать.

– У меня странная новость для тебя, – говорю я и кладу руку ему на плечо. – Серж, ты особенный. Особенный на все 100%.

– Это невозможно.

– Вот, держи, – я протягиваю ему телефон, а потом кричу: – Ульяна, иди сюда. – И когда, приходит Ульяна, обращаюсь к Сержу: – Сними нас на память.

Ответ, действительно, всегда на поверхности. Серж постоянно что-то снимает. Где бы мы с ним не были, что бы не делали. В его руках всегда телефон с открытой камерой. Он подмечает детали, ловит моменты и пишет свою историю. Он невероятно кайфует от этого и сам того не замечает. Потому что фотография – это глупости? Почему тогда все, что приносит нам радость, автоматически попадает в папку «глупости»?

– Это всего лишь фото, – говорит Серж, возвращая мне телефон.

– Это не просто фото, – возражаю я. – Это я и Ульяна твоими глазами. И такие вот мы – это лучшее, что есть в моем фотоархиве. Это мгновение я хочу сохранить в своем сердце. Вот такой я хочу себя запомнить. Такой, какой видишь меня ты. Лично для меня это не глупости. И если это не талант, то что тогда? Скажи мне, мой особенный человек.

Кажется, он понимает, о чем я тут толкую.

– Я приехал, чтобы все отменить, – говорит Серж. – Но сейчас меня мучает неодолимое желание просто пригласить тебя на кофе.

– Так не сдерживай своих желаний, – отвечаю я. – Вдруг я соглашусь?

– Мара, выпьешь со мной чашечку кофе?

– С удовольствием.

***

– Мара, куда мы идем? – спрашивает Ульяна.

– Это сюрприз, – отвечаю я.

Я приготовила для Ульяны увлекательное приключение. Это и эксперимент, и тест, и банальное доказательство. Я почти уверена, что суперспособность Ульяны – видеть в людях прекрасное и показывать им это прекрасное, тем самым помогая обрести безусловную любовь к себе.

Наконец, мы оказываемся в салоне красоты. Я арендовала его на один день специально для нашего эксперимента. Здесь моя подмога – десять девушек, которые недовольны собой.

– Ульяна, – начинаю я торжественную речь. – Сегодня последний день моей работы в качестве твоего мастера. И сегодня все решится. Либо ты обретешь свою особенность. Либо мы будем вынуждены признать миссию проваленной. Я пригласила сюда десять девушек. Все они прекрасные, но сами не верят в это. Они считают себя уродинами и стараются не смотреть на себя в зеркало. Я убеждена: все девушки здесь – красотки. Но мои слова ничего не стоят.

– Что мне нужно сделать? – спрашивает Ульяна.

– Все, что захочешь. Просто покажи им, какие они на самом деле.

– А если у меня не получится?

– Когда-то я тоже задала такой вопрос. И один очень мудрый человек сказал мне: «Попробовать-то стоит. Что может быть хуже простого «не получится»?»

Двенадцать часов спустя, когда официальное действие договора с корпорацией «Обычные люди» уже истекло, Ульяна, обессиленная, но довольная, рухнула в клиентское кресло. В это мгновение она стала особенной. Потому что сама поверила в свою особенность.

Сегодня я увидела чудо. А точнее десять чудес. Как грустные и неуверенные девушки расцветали и впервые влюблялись в себя. Они не становились другими, они просто становились собой. Настоящими, такими, какими их видела особенная Ульяна.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спрашиваю я.

– Что я могу изменить целый мир, – отвечает Ульяна. – Что я могу.

***

– Корпорация «Обычные люди», здравствуйте, – говорю я в микрофон беспроводной гарнитуры.

На мониторе компьютера высвечиваются данные о звонке: номер телефона, имя абонента и географическая точка сигнала. Его зовут Максим, сейчас он примерно в 3 км от нашего офиса. Но я не могу обратиться по имени, пока клиент сам его не назовет. И еще этот красный огонек в верхнем левом

углу – разговор записывается. А значит моя обязанность – говорить строго по инструкции. И я жду, пока он решится на следующий шаг.

На том конце воображаемого провода тишина. У меня есть минимум 5 секунд. Кажется, мелочь. Но этого вполне хватит, чтобы поставить в коробку кактус и спокойно продолжить ожидание ответа.

В этот момент открывается дверь, и на пороге появляется Ульяна. Я прикладываю палец ко рту, показывая, что мне нужна тишина.

– Я... я... – шепчет робкий мужской голос, – я... обычный... – и дальше хлюпанье носом.

– Да, я прекрасно вас понимаю, – говорю я невидимому собеседнику. – Но, знаете, в чем прелесть? Это не навсегда. Ваша обычность в любой момент может превратиться в необычность. Пожалуйста, не кладите трубку. Я сейчас переключу вас на персонального консультанта?

– Почему ты здесь? – спрашивает Ульяна, когда я снимаю гарнитуру. – Разве тебя не перевели в отдел мастеров?

Я выдерживаю небольшую паузу и начинаю скакать от радости.

– Перевели! – восклицаю я. – Перевели. Зашла за вещами и не смогла не ответить на звонок. По старой привычке.

– Поздравляю, Мара. А я забирала документы. И вот, – Ульяна положила на стол сверток. – Это тебе.

– Что здесь? – спрашиваю я и принимаюсь разворачивать

подарок.

– Это та книга, которую ты хотела почитать.

– Ой, спасибо. Постараюсь прочитать побыстрее и вернуть.

– И еще, – говорит Ульяна и тычет в меня пальцем, – читать аккуратно. Я знаю, где тебя найти.

– Честное слово, – говорю я и смеюсь. Ульяна – такая Ульяна.

– Я хотела тебя спросить...

– Да?

– Ты нашла свою особенность?

– Да, – отвечаю я и улыбаюсь. – Я нашла ее.

– Так и в чем же твоя суперсила?

– Моя суперсила, – я делаю драматичную паузу и продолжаю: – видеть необычное в обычном.

Март 2018 г.

Уроки танцев

На сцену я поднялась на спор. Город всюду прощался с летом, и мы с Таней оказались на одной из праздничных площадок в центральном парке. Ведущий, а по совместительству и тренер танцевальной школы, активно приглашал принять участие в конкурсе. Задача простая: он показывает танцевальные движения, а мы за ним повторяем. Победитель получает в подарок абонемент в школу танцев на весь учебный год. Требовались только желающие.

– Могу поспорить, что ты никогда не выйдешь на эту сцену, – с полной уверенностью говорит Таня.

Я в недоумении повернулась и молча посмотрела на подругу. Оказавшись в замешательстве, и сама не заметила, как вовлекла себя в этот дурацкий спор.

– На что спорим? – с довольной улыбкой спрашиваю я.

– Мм, на большой-большой арбуз?

– По рукам, – соглашаюсь я и протягиваю Тане руку, а затем хлопаю по плечу стоящего рядом парня: – Разбейте, пожалуйста.

Ведущий встретил меня за сценой и всучил планшетку с ручкой.

– Сначала надо заполнить анкету, – мило улыбается он.

– Не вопрос, – отвечаю я и принимаюсь изучать анкету.

Итак, имя и фамилия: Маргарита Одоевская. Место рабо-

ты: средняя школа, учитель младших классов. Дальше дата рождения, адрес домашний, адрес рабочий, телефон домашний и мобильный, электронная почта, размер обуви и одежды (ну, а это зачем им знать?), образование, хобби... Бррр! К чему столько вопросов? Ладно, пишу, ведь здесь нет ничего криминального.

– Зачем вам полное досье на конкурсантов? – спрашиваю я, отдавая анкету.

– Чтобы было проще вас разыскать, – отвечает ведущий.

– А вы что выдаете кредиты? – я пытаюсь острить. – Просто не знаю другой причины, чтобы разыскивать... Эм, участников обычного конкурса.

– Всякое в жизни бывает. Меня зовут Ярослав, – ведущий протягивает мне руку.

– Маргарита, – отвечаю я и тоже протягиваю руку.

– Желаю удачи!

Уж не знаю, чем заслужила, но я победила. Да-да, я победила! Мне торжественно вручили приз – годовой абонемент в школу танцев – Ярослав обнял меня, поцеловал в щечку и сказал, что будет очень рад увидеть на своих занятиях.

– С тебя арбуз! – прошептала я на ухо Тане, когда она меня обнимала, поздравляя с победой.

Дома я закинула этот подарочный абонемент в самый дальний угол, ведь ни на какие танцы ходить не собиралась. С первого сентября планировала всецело посвятить себя работе, детям, школе. Это предполагало большую занятость,

а значит, форточки для танцев или другого хобби в моем расписании не было. Да и танцами я особо никогда не болела.

Ярослав позвонил на следующий день на домашний телефон около девяти вечера и спросил почему я не пришла. Я начала выдумывать что-то про первое сентября, сложный день и все такое. Вроде поверил, но взял с меня обещание придти завтра.

Я не пришла. Ярослав позвонил на мобильный, когда я уже собиралась выходить из школы. Похоже, он ждал до последнего. И я никак не могла понять почему? Какая им разница, воспользуется победитель своим абонементом или нет. Я притворилась, что забыла о занятиях, мол, замоталась на работе.

Он звонил каждый день. И каждый день я придумывала какую-то отговорку. То устала, то забыла, то ногу подвернула, то простыла, то у подружки день рождения, то кошка рожает. А Ярослав все не сдавался. И тут мое терпение лопнуло. Последней отговоркой стало банальное отсутствие подходящей обуви. А потом я и вовсе перестала брать трубку.

Он начал писать электронные письма. Их я просто игнорировала. И если сначала это выглядело забавно, то потом мне стало совсем не до смеха. Складывалось впечатление, что Ярослав – самый настоящий маньяк. Поэтому я заблокировала электронную почту и сменила номер телефона.

Я учила первоклашек считать, когда раздался стук и дверь тихонько приоткрылась. И тут я просто обомлела. Ярослав

подошел ко мне и поставил на стол обувную коробку.

– Я надеюсь, больше никаких препятствий не возникнет? – сказал он. – Завтра в 19.00.

Ярослав не стал дожидаться моего ответа и просто вышел из кабинета. Ну, вот откуда у человека столько наглости? И чего он ко мне пристал? Не могу. Бесит! Я открыла коробку, которую он оставил на столе. Там были... балетки... Моего 37 размера. Вот, наверное, для чего была нужна эта анкета. Через нее он узнал все мои адреса, пароли, явки. И даже размер обуви. Балетки были такие милые, что я решила сдать ее и сходить на парочку занятий. Может, хоть тогда он от меня отстанет.

Я надела леггинсы, топ и подаренные балетки, волосы завязала в пучок. В группе нас было десять человек. Мы учились танцевать что-то типа хип-хопа с элементами балета, как сейчас модно. До этого я никогда не занималась танцами достаточно серьезно, только по квартире во время уборки кружилась с пылесосом. Поэтому некоторые движения у меня не получались. И тогда Ярослав подходил и помогал их выполнять. Он касался меня еле-еле, как бы невзначай, случайно. Эти касания были такими невинными, что я напрочь забыла, как этот человек преследовал меня почти целый месяц.

– У тебя мобильный заблокирован, – говорит Ярослав после занятия.

– Утопила телефон в ванной, пришлось менять номер, –

на ходу сочиняю отмазку.

– А электронные письма доходили?

– Мм, отключили интернет. Все время забываю заплатить... – говорю я, а про себя думаю: блин, хорошо, что я еще не успела квартиру поменять. – Спасибо за балетки, они очень милые.

– Я рад, что понравились. До послезавтра?

– Да, – отвечаю, не задумываясь. – Я приду, – и, наконец-то, я не вру, я действительно хочу прийти сюда снова. Я хочу увидеть его снова.

– Отлично. Зови меня просто Ярик.

Я не пропустила ни одного занятия. Никогда не думала, что танцевать так здорово. Ощущать легкость движений, пластичность всего тела. Мне казалось, что я стала грациознее. Но, наверное, главная причина моего аншлага – учитель танцев.

Я меняла данные в анкете социальной сети и не знала, что написать в графе «семейное положение». Хотелось правды, но дело в том, я понятия не имела, в чем заключалась та самая правда. «Не замужем» – правда, но скучная. «Замужем» – неправда. «В активном поиске» – нет, не ищу, кажется уже нашла. «Влюблена» – а вдруг он подумает, что не в него. «Помолвлена» – так далеко еще не заглядывала. «Есть друг» – ...

Ярик наворачивал круги вокруг меня. Это было так по-детски, так мило и наивно. Мне казалось, будто я снова ока-

залась в пятом классе, когда улыбаться друг другу уже значило, что между вами что-то происходит. Во время занятий Ярик все время крутился возле меня и уделял мне больше внимания, чем остальным. Нежно прикасаясь к моей руке, он плавно отводил ее в сторону, показывая как правильно нужно делать. После занятий мы всегда еще долго-долго разговаривали. Ярик улыбался, делал мне комплименты и никогда не грубил. Я флиртовала в открытую. Ведь знала, что он мой. И только мой. Проблема была лишь в том, что Ярик никогда не провожал меня домой и не звал на свидания. Да мы даже не целовались... А после того, как я начала посещать занятия, он перестал названивать.

Я выбрала вариант «все сложно», нажала на кнопку сохранить и пошла спать. Но еще долго не могла уснуть, мучаясь вопросом: кто же мы друг другу?

Когда Ярик зашел в зал и сказал, что объявлен конкурс на лучший номер среди всех танцевальных школ города, я сразу же вспомнила фильмы вроде «Шага вперед». Обожаю их. Ну и пусть сюжет везде один и тот же, но каждый из этих фильмов особенный по-своему. Я закрыла глаза и представила как парю на сцене, как Ярик тянет ко мне руку, а протягиваю ему свою, они соприкасаются...

– Рита! – донесся до меня голос Ярика.

– Да? – я вернулась из своей фантазии. – Прости, можно еще раз повторить.

– Сегодня после занятий, – раздраженно произносит он.

– Что после занятий? – в недоумении спрашиваю я.

– Начнем разучивать номер.

Что, что? Начнем разучивать номер? То есть, если мы начнем разучивать, это значит, что мы будем участвовать в конкурсе? То есть я буду участвовать в настоящем конкурсе танцев? Ух ты! У нас будет дуэт. Только я и Ярик. А из-за постоянных репетиций мы будем видеться еще чаще.

Я чувствовала себя героиней «Шага вперед», когда кружила по квартире в новом платье. Его я купила специально для конкурса, и оно было просто потрясающее. Балетки, конечно же, те, которые мне подарил Ярик. Они для меня теперь, как талисман. Я крутилась перед зеркалом и ловила себя на мысли, что теперь я – настоящая танцовщица.

На очередную репетицию я пришла чуть раньше назначенного времени. Сама не знаю, как это получилось. Может, просто так сильно желала увидеть Ярика. Мне хотелось ворваться в зал и обнять его, но у самых дверей я притормозила. Женский смех лился тонкой струйкой, а потом вдруг – резкая тишина. Я тихонько приоткрыла дверь, и мое сердце вылетело из груди. На полу сидел Ярик и целовал другую... Я должна была прийти через двадцать минут, но больше в классе не появилась.

Ярик звонил на мобильный, на домашний, писал на почту. Мне рассказывали, что он даже приходил ко мне в школу. Приходил ли домой, не знаю. Я взяла больничный и уехала домой к маме зализывать раны.

Такие ситуации в жизни раздражают меня больше всего. Вот живешь ты себе, живешь, никого не трогаешь. Все знакомые парни для тебя равны. Никто из них не симпатичнее, не круче, не лучше. Они все примерно одинаковые. И отношение к ним тоже почти одинаковое. Если их выставить в шеренгу, то все будут стоять ровненько по одной линии. И тут один, ни с того ни с сего, вдруг возьмет да переступит эту линию, встанет на шаг впереди остальных. Причем, он не сделает ничего особенного, просто каким-то своим жестом обратит на себя внимание, заставит тебя поверить, что ты ему нравишься. И тут приходят мысли: а он ничего, а почему бы и нет? А потом, незаметно для самой себя, влюбляешься в него и ждешь, что вот-вот случится чудо. А чудо не случается. Вообще ничего не случается. Спрашивается: че приходил, че хотел? Зачем, зачем все это? Шел бы сразу к той, ей бы балетки эти чертовы дарил, с ней бы к этому дебильному конкурсу готовился. Зачем меня было трогать? А в ответ – тишина.

Он появился на пороге неожиданно-негаданно. Я вообще не понимаю, как он нашел меня, думала, что под крылом у мамы я хорошо спряталась.

– Как ты это сделал? – спросила я.

– Сейчас это не важно, – мило ответил он, как будто ничего такого не было. – У нас есть пять часов. Три часа, чтоб вернуться в город, час, чтоб заехать за одеждой и еще пропетировать в последний раз.

Наверное, я бы простила его. Да, точно бы простила. Только вот он не просил прощения. Он хотел, чтобы я станцевала с ним этот дурацкий танец. И все. И я решила, что станцую. Но не ради него, а ради себя. И это будет в последний раз.

Я сделала первый шаг и мое сердце замерло. Яркий свет прожекторов светил в глаза, и я не видела сколько человек сидело в зале, но знала, что много. Я сильно волновалась и боялась оступиться. «Но я же танцовщица, и у меня нет права на ошибку», – так говорил Ярик на репетициях. Он хотел, чтобы танец был безупречным. И вот сейчас, под светом софитов, я подумала: «А к черту безупречность. Танец – это я. А я вовсе не безупречна».

Эти три минуты длились целую вечность. Каждый раз, когда Ярик касался моей руки, я вздрагивала – она была такая холодная. Я не ощущала той прежней теплоты и того трепета. Все эти чувства как будто умерли во мне. Впрочем, как и Ярик. Я думала, что смогла бы простить его. Но нет, для меня он умер в тот момент, когда коснулся ее руки.

Музыка закончилась, и я вырвалась из его объятий. Прямо за кулисами сняла балетки и швырнула их за сценой, надела плащ и распустила волосы. На улице было девять вечера, а я шла в солнечных очках.

Сентябрь 2011 г.

Волшебная

«Рагнеда взмахнула мечом и одним мощным ударом отрубила крыло цвета огня. Раненая гермуда взвыла от боли и пала наземь, продолжая трепыхаться в агонии. Еще один взмах – и уже второе крыло полетело в сторону. Грозное некогда чудище превратилось в обыкновенную ящерицу. Лишь кровоточащие раны на спине напоминали об истинном происхождении существа. Рагнеда вложила меч в ножны и подобрала обрубленные женской рукой крылья. Она сохранит их в качестве напоминания об удивительной истории, как царица-воин спасла свою родную землю от грозного чудища – гермуды. Конец».

С восходом солнца я закончила начитывать черновик новой книги в голосовой блокнот и была довольна собой – впервые за долгое время дедлайн пока не сорван. У меня есть пара часов, чтобы собраться и точно в срок доставить рукопись редактору. Я отбросила подальше исписанные вдоль и поперек листочки и потянулась прямо в кресле – минутка отдыха будет очень кстати. Не помню, сколько часов просидела вот так, скрючившись за компьютером, но спина изрядно затекла и требовала хоть какого-то движения. Надо сделать зарядку, а лучше потанцевать. Я переключила телевизор с детектива в духе 20-х годов на музыкальный канал в поисках заводной песни с тупым текстом, но здесь, с утра

пораньше, начались какие-то важные новости шоу-бизнеса. Интересно, про писателей вообще хоть что-нибудь скажут? Могу поспорить, что нет. И даже не подумают. Ведь мы же не звезды. А я – так тем более. Меня никогда не покажут по телевизору, и пора бы уже смириться с этим фактом.

– Ожидается ли что-то грандиозное? – спросила репортер у какого-то смазливого, судя по всему, рокера.

Очередной. В порванных джинсах, футболке с черепами и кожаной косухе. Где их только клепают? Все как под копирку. Все звезды. Все кумиры. А что в голове? Черная дыра. Но их все равно будут боготворить. Бей гитары, ругайся матом, принимай наркоту – тебе все простят, если ты звезда. Я – ни разу не звезда. За все свои поступки мне приходится платить. Им, рок-звездам, достается вся слава этого мира. Нам, писателям, лишь крошки от бублика фанатской любви.

– Будет грандиозно! Обещаю. О, вы еще долго будете вспоминать мое тридцатилетие, – ответил рокер, чуть согнувшись, чтобы попасть в микрофон. Высоченный.

Да кто он вообще такой, чтобы рассказывать про его тридцатилетие? «Артем, лидер группы «In. Ocean» – так написали в титрах. Первый раз слышу и про некоего Артема, и про некую группу «In. Ocean». Что он сделал такого особенного, чтобы репортеры следили за событиями его личной жизни, а подростки стремились быть на него похожими? Сочинил пару песен про любовь-морковь? Скопировал чужой брутальный образ? Научился томно смотреть на девчонок? Ни-

чего выдающегося. Ничего полезного для планеты. Но они все равно следят и все равно стремятся. Как отмечает свое тридцатилетие писатель, никому не интересно. И это понятно. Тусовка на двоих на выцветшей кухне старой хрущевки – так себе зрелище.

– С праздником все понятно, – снова взяла слово репортер. – А новый альбом когда ждать?

Ну наконец-то. Действительно стоящий вопрос. А то все про вечеринки и про вечеринки. Может, пора уже поработать, парнишка, раз назвался рок-звездой? Когда альбомчик?

– Ой, – отмахнулся Артем. Столько пафоса в одном жесте, аж тошнит. – Да мы и не ставим никаких сроков. Знаете, мы не загоняем себя в рамки. Просто живем, наслаждаемся настоящим, пишем песни. Мы просто играем музыку. А когда поймем, что готовы выпустить новый альбом, вы обязательно об этом узнаете. Но сегодня давайте зажигать.

Потом был репортаж о некой рокерше с бритым черепом – она излечилась от наркозависимости и теперь помогает вернуться к нормальной жизни своим фанатам-наркоманам. Далее рассказ о погроме гостиницы на гастролях зарубежных музыкантов – мировым звездам вообще дозволено все. И напоследок крутому парню дали срок за избиение жены. И, конечно же, фанаты возмущены такой «несправедливостью», они устроили пикет у тюрьмы и требуют выпустить кумира на свободу. Им плевать, что девушка в больнице. Они хотят

свою звезду.

И все равно эти люди будут кумирами. Что бы они не натворили, рок-звезды всегда будут предметом обожания и подражания. Когда девушка пойдет к парикмахеру, она скорее возьмет фото новой стрижки какой-нибудь безбашенной старлетки. А парень попросит мастера набить такую же татушку, как у крутого рокера. Никто никогда не станет подражать писателю. Все хотят быть похожими на рок-звезд.

– Если бы ориентиром для подражания были писатели, мир стал бы намного лучше, – сказала я вслух после всех этих длительных размышлений.

Кот довольно мурлыкнул в знак согласия, вскочил на стол и уселся прямо на клавиатуре.

– Хеннинг! – вскрикнула я и взяла кота на руки. – Я понимаю, что ты скучаешь. Честное слово, вернусь из редакции и будем играть. А пока дай мне еще немножко поработать.

Я скопировала последнюю часть начитанной книги из окошка голосового блокнота и вставила ее в документ. Перечитывать нет времени, да и это всего лишь черновик. Нажала на кнопку «сохранить», а затем – «печать». Пока мой очередной недошедевр в 157 страниц появляется на бумаге, как раз успею привести себя в порядок.

Щелчок выключателя в ванной, и желтый свет озарил эти несчастные два квадрата. Я взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. Потрепанная, помятая, с синюшными кругами под глазами, соломой вместо волос и глазами цвета поздней

осени. Скажем честно, я – ни разу ни Барбри. Почему люди вообще должны брать с меня какой-то пример? Почему они должны подражать мне? Почему они должны меня обожать? Я бы и сама не хотела быть похожей на себя. Так что же говорить о других?

Я умылась холодной водой, чтобы хоть как-то взбодриться после бессонной ночи и прийти в чувства. Натянула старые джинсы и серый свитер, а невымытые волосы стянула в тугой хвост на затылке. Пыталась рукой нащупать резинку для волос в корзинке с расческами, но ее там не оказалось. Наверняка, Хеннинг в очередной раз стащил резинку и превратил ее в свою игрушку. Я заглянула под кровать, провела рукой под диваном, посмотрела в плательном шкафу – нигде резинки не оказалось. Мне ничего не оставалось, как вплести в волосы красную ленту от прошлогоднего подарка на день рождения. Пфф, все равно никто не заметит. Последний взгляд в зеркало – серая серость современной фэнтезийной литературы.

Я подошла к принтеру, чтобы забрать распечатанную рукопись, но там лежал лишь один лист – скомканный гармошкой и с чернильными пятнами. Странно, ведь всего несколько дней назад все работало прекрасно. Я еще раз нажала на кнопку «печать». Машина затарахтела и выплюнула пожеванный лист с таким же черными разводами. Я постучала по всем сторонам принтера, потом по компьютеру и повторила операцию. Принтер зашелся диким кашлем, вывел

половину пожеванного листа и заглох. Твою ж... Я сбросила файл с книгой на флешку и помчалась ближайший печатный центр за углом. И вот теперь дедлайн оказался под угрозой срыва.

***

Когда я подбежала к печатному центру, мужчина, наверняка сотрудник, закрывал роллетную дверь.

– Нет, – вскрикнула я.

Мужчина защелкнул замок и повесил объявление, по иронии написанное от руки: «В отпуске».

– Нет, – взмолилась я снова. – Пожалуйста, не закрывайтесь.

– Но я уже закрылся, – грубо ответил мужчина и указал на табличку «В отпуске».

– Мне очень, очень нужна ваша помощь, – я сложила руки в мольбе. – Распечатать всего один документ.

– Службу спасения вызывайте по-другому номеру. А к нам приходите через месяц, – не поддавался уговорам мужчина. – Я уже в отпуске. Забегался и забыл вчера объявление повесить. У меня, может, самолет через два часа.

– Пожалуйста, я вас очень прошу. Мой принтер сломался, а дедлайн горит. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Ваша мечта об отпуске обязательно сбудется. Но помогите осуществить мою. Пожалуйста!

Мужчина окинул меня сочувствующим взглядом. То ли пожалел бедняжку, то ли еще что. Он молча поднял роллетную дверь и жестом пригласил меня войти.

– Это ж надо было на свою голову забыть повесить объявление, – пробурчал мужчина себе под нос и нажал на кнопку включения компьютера.

– Вы мой спаситель! – воскликнула я. – Не представляете, как я вам благодарна, – я вдруг вспомнила, что для расположения человека рекомендуют называть его по имени и добавила: – Сергей.

– Какой Сергей? – не понял мужчина.

– Так вот же, – я указала на табличку возле компьютера, – Написано: «Сергей».

– Ой, да мало ли что там написано, – он все так же сурово махнул рукой. – Игорь я. И теряю свое отпускное время здесь с вами.

Когда компьютер загрузился, я протянула флешку и сказала:

– Там только один документ. В одном экземпляре, пожалуйста.

– Один документ? – возмущенно спросил Игорь. – Один документ? Вы говорили один документ?

Я кивнула.

– 157 страниц – это один документ? – продолжал возмущаться Игорь. – Разве это один документ?

– Технически это один документ, – спокойным голосом

ответила я.

– Технически я застрял с вами на полчаса как минимум. У меня отпуск, мне, может, чемодан собирать надо. А приходится возиться с вашим трактатом.

– Это книга, – поправила я. Не люблю это пренебрежительное «трактат». – Моя новая книга. Я – писатель. Саша Волшебная. Читали?

– Девушка... – Игорь кинул на меня пренебрежительный взгляд. Конечно, к нему ведь не рок-звезда пришла, а всего лишь какой-то писатель.

– Саша, – поправила я.

– Саша, я вам больше скажу: даже и не слышал.

– Оу, понятно, – ответила я поникнув. Такое всегда обидно слышать. – А что вы читаете?

– Ничего. Я не читаю.

– А вы попробуйте. Вдруг понравится.

Игорь исподлобья поднял на меня глаза, и я, наконец-то, поняла, что мне лучше замолчать.

Принтер, который печатал так ладно, вдруг остановился. Игорь взял пачку свеженапечатанной бумаги, перебрал листы и чертыхнулся себе под нос.

– Краска закончилась, – сказал он, и его взгляд стал еще более зловещим. – Последняя страница не напечаталась. Она вообще нужна?

– Ну, конечно, нужна! – возмутилась я.

– Точно?

– Точнее не бывает! Меняйте свой картридж или как оно там называется и печатайте мою последнюю страницу. Ваш самолет без вас никуда не улетит.

– Значит, вы хотите, чтобы ваша мечта сбылась?

– Хочу так же сильно, как и вы уйти в отпуск.

Чертыхаясь и бормоча себе под нос что-то несурзное, Игорь исчез в подсобке и появился лишь спустя минут десять. Мой телефон уже начал трезвонить в кармане, но я не беру трубку. Уверена, это редактор. Она хочет знать, почему я опять сорвала дедлайн.

– Еле нашел, – сказал Игорь. – Остался только один. Мы же в отпуске, поставок не было. Считайте, что вам повезло.

Игорь открыл принтер и попытался достать старый картридж, но тот видно застрял и никак не поддавался напору нетерпеливого сотрудника.

– Идите сюда, – скомандовал Игорь. – Подержите вот здесь, а теперь тяните.

Я прилежно выполняла все приказы Игоря. В какой-то момент картридж зашевелился и выскочил из принтера, зарядив мне прямо в лоб.

– Ну вообще замечательно! – заскулила я. – Мне было больно!

– Простите.

Я посмотрела в зеркало: кроваво-чернильная клякса растекалась по моему лбу. Да кто вообще ее заметит? Игорь

молча заменил картридж, напечатал последнюю страницу, вложил рукопись в фирменный пакет и вручил мне.

– Вам надо бы показать врачу эту рану, – сказал он, протянув пакет, – Саша. Вы же говорили Саша Волшебная? Правильно? «Замок чудес» ваш?

– Да, мой, – ответила я и обомлела.

Игорь моментально изменился в лице. Он заулыбался и буквально просиял. От хмурого сотрудника печатного центра не осталось и следа. Мой лоб ныл от боли и от этого сияния легче не становилось. Ну, если только чуть-чуть. Ведь Игорь запомнил мое имя и даже знал название одной книги. Как? Откуда? Это какое-то волшебство. И да, я загордилась.

– Я читал. Любимая книга. Можно попросить автограф? – сказал Игорь и достал из-под стойки подарочное издание моего «Замка чудес».

Откуда это издание? Я такого не помню. У непопулярных авторов не бывает подарочных изданий. Надо сказать спасибо, что тебя хотя бы на туалетной бумаге печатают. Обомлевшая и безумно довольная собой, я поставила размашистый росчерк своего имени. Так у меня первый раз в жизни попросили автограф. Ведь мама не считается?

– Но к врачу все-таки сходите, – сказал Игорь на прощание и мило улыбнулся.

– Ай, – отмахнулась я. – Все в порядке, – и помчалась на встречу к редактору.

***

– Я уже лечу, – прокричала я в трубку, пока шумный троллейбус, проезжавший мимо, пытался заглушить мой голос. – Рукопись у меня. Я уже лечу.

– Саша, детка, ты уже проснулась в такую рань? – спросила Марина.

Детка? Проснулась в такую рань? О, это совсем не похоже на моего редактора. Кажется, Марину похитили пришельцы и подсунули вместо нее что-то белое и пушистое.

– У нас же встреча назначена, – сказала я. – И я уже на нее опоздала. Да, я осознаю, что снова срываю дедлайн. Но у меня сломался принтер и мне пришлось идти в печатный центр, а тут целая история. Долго рассказывать. Но я уже лечу. Рукопись у меня.

– Саша, детка...

Опять эта детка. Марина не кричала, не возмущалась. Она спокойно называла меня «детка».

– ...мне кажется, тебе уже пора расслабиться.

Чего мне пора???

– Марина, ты пропадаешь, – начала выдумывать я. – Связь плохая. Скоро буду. Тогда и поговорим.

Я спустилась в подземку и перевела дух в ожидании поезда. Все не так плохо. В конце концов я справилась, пусть и с косяками, но справилась. Марина даже не ругалась. А это очень на нее не похоже. Я – молодец. Я не сдаюсь. Я – писа-

тель. Я выбрала этот путь и буду идти по нему до конца. Да, я не популярна, как рок-звезда. Да, я никогда не стану кумиром молодежи. Но разве это повод отчаиваться? Если бы я меньше занималась самобичеванием и меньше взращивала внутри себя ненависть к музыкантам, я бы сделала в своей жизни намного больше.

Мое фото вспыхнуло на рекламном экране, где обычно показывают афиши концертов рок-звезд, и весь этот поток мыслей прекратился. Сразу себя и не узнала. Да, красotka, ничего не скажешь. Всю мою серость замазали. Как же много фотошопа и совсем не видно меня настоящей. Везде обман.

Стоп! Но почему мое фото в метро? Это самое топовое место, а я вовсе не в топе. Ах да, презентация книги. Она уже сегодня. Черт, совсем забыла. Ну вот кто назначает дедлайны в день мероприятий? Хотя какое уж там мероприятие. Скромная презентация в крохотном книжном. Придет мама с папой. Вот и вся презентация. Так почему же мое фото в метро? С чего вдруг издательство потратилось на рекламу? Кому это вообще интересно? Это же не рок-концерт.

– Это вы! – чья-то рука легонько коснулась моего плеча, я вздрогнула и тотчас обернулась.

Женщина с девочкой лет десяти неловко улыбались. Они как будто увидели мировую знаменитость и теперь не знали, что сказать. Но я – ни разу не звезда.

– Это вы, – тихо повторила женщина. – Так мило увидеть вас здесь. Без всей этой звездной мишуры. Приятно

знать, что вы обычный человек. У вас вот здесь, – она указала на мой расшибленный лоб.

– Да, – еле промямлила я и коснулась своей кроваво-чернильной раны. Может, она меня с кем-то перепутала?

– Жутко стесняется, – сказала незнакомка, указывая на девочку.

Та крепко вжималась в женщину и пыталась что-то ей прошептать. И только тут я заметила на девочке футболку. С моей офотошопленной физиономией.

– Мы очень рады, что встретили вас, – сказала женщина. – И с нетерпением ждем сегодняшнего вечера. Раскроете секрет, о чем новая книга?

– Ну... – я засмузилась, потому что не понимала, с чего вдруг моей персоной так рьяно заинтересовались. – Если я вам скажу, это уже не будет секретом. Простите, мне нужно идти. До встречи вечером.

Я зашла в вагон подъехавшего поезда и цепкой хваткой взялась за поручень. Любопытные взгляды пассажиров тут же устремились в мою сторону. Как будто у меня в голове пробита дырища, и кровь медленно стекает по всему телу. Может, я как-то не так оделась? Может, на одежде пятно, или она порвана? Ах да, на лбу, и правда, зияла рана. Кроваво-чернильные кляксы испортили и без того жалкий серый свитер. И вообще никто на меня не смотрит. Сама все придумала.

По дороге к издательству я наткнулась еще на афиш пять

с моим фото и даже один билборд. Почему не видела их раньше? Конечно, последние месяцы я была поглощена написанием новой книги и практически не выходила из дома. Но все же. Неужели я настолько замкнулась в себе, что пропустила всю жизнь? Что еще новенького поджидает меня сегодня?

– Можно? – я легонько постучала в кабинет редактора и робко приоткрыла дверь в ожидании если не скандала, то как минимум выноса мозга о том, что дедлайны надо соблюдать.

– Саша, детка, – Марина встала из-за стола и подошла обнять меня. – Что с тобой случилось? Выглядишь, как бомж.

– Я выгляжу как всегда, – ответила я и отпрянула.

Ее слова прозвучали немного оскорбительно и неуместно. У нас деловые отношения. Марина же начала вести себя, как моя давняя закадычная подружка.

– Садись, дорогая, – ну вот опять в своем духе продолжила Марина.

Может, это такой розыгрыш? Кто-то сломал мой принтер, потом этот странный Игорь в печатном центре, затем женщина с девочкой. И эти афиши. Шутка века – почувствуй себя звездой. И пойми, что никогда ей не станешь. Ха-ха, юмор оценила.

– Что ты вообще здесь делаешь? – спросила Марина. – И я не могу понять, что с твоей одеждой? И эта рана на голове. Саша, ты сама на себя не похожа. Опять всю ночь в клубе

тусовалась? Ох, детка, ну зачем? Эти чертовы репортеры повсюду.

Ну вот опять. Какие клубы? Я не хожу по клубам. Какие репортеры? За мной никто не охотится. Ау, Марина, ты видишь, с кем разговариваешь? Хватит шуток.

– Я принесла вот это, – сказала я и кинула конверт с рукописью на стол. – Новая книга.

Марина молча достала рукопись и пролиستала пару страниц.

– Но почему сегодня? – спросила она. – Ты должна была отдохнуть перед презентацией. К чему спешка с новой книгой?

– А как же дедлайн? – негодовала я. – Сегодня день сдачи рукописи! Ты сама назначила этот срок. У нас была запланирована встреча. И да, я опоздала, потому что у меня сломался принтер, и мне пришлось идти в печатный центр, а там закончился картридж... Длинная история. Но я здесь и не считаю, что так уж катастрофично сорвала дедлайн. Тем более, что новая книга замечательная. Она все изменит. Прочти ее.

– Саша, тебе пора в отпуск. Ты переработала. Строчишь и строчишь эти книги. Сколько уже можно? А знаешь, настоящая звезда может позволить себе не писать. Вот вообще не писать. И никто ее за это не осудит.

– Да, но я-то не звезда. И я не могу позволить себе не писать. Писать – это все, что у меня есть.

– Марина, – в кабинет зашла незнакомая мне девушка, –

в интернете появились новости... И я честно не знаю, как так получилось. Саша, – теперь девушка обращалась ко мне, – я целое утро пытаюсь найти тебя. Почему ты не позвонила и не сказала, что у тебя проблемы? Какого врача мне вызвать на этот раз? Нарколога? Психолога? Хирурга? Твои капризы уже достали.

– Но у меня все нормально, – ответила я. – Просто сломался принтер. Разве это проблема вселенского масштаба? И я все равно справилась. А это просто царапина. До свадьбы заживет.

– Ха-ха, пошутила смешно, – сказала девушка, по-прежнему обращаясь ко мне. – Кое-кто оценит шутку про свадьбу. Но, правда, выглядишь отвратно.

Да что вы пристали ко мне с этой внешностью? Да, я не Барби, я не красотка, я не звезда. Ну, уж простите. Какая есть. Писателю не нужна крутая внешность. Мое оружие – это слова. И кто ты вообще такая?

Девушка подошла к Марине, протянула ей планшет и начала листать страницы, зачитывая вслух заголовки новостей:

– «Новый тренд от звезды фэнтезийной литературы: красная лента в косе». «Саша Волшебная спустилась с небес в метро». «Саша Волшебная вышла в народ накануне презентации новой книги». «Саша Волшебная без фотошопа. Внимание, не для слабонервных».

Они обе уставились на меня с немым вопросом и ожиданием объяснений.

– Почему людям вдруг стало интересно, чем я завязываю волосы и как выгляжу без косметики? Почему я повсюду натыкаюсь на свои афиши? Почему у меня берут автографы? Почему меня фотографируют прохожие? – не выдержала я.

– Потому что ты – звезда, Саша! – ответили они в один голос.

– Я – невзрачный писатель, которого все еще издают по непонятным мне причинам. Ведь я ничего так и не добилась в жизни. Почему вы со мной возитесь?

– Саша, – начала Марина, – ты напоминаешь мне анорексичку, которая смотрит на себя в зеркало и кричит, что она жирная. Посмотри в окно – весь мир у твоих ног.

Неужели я была настолько поглощена работой, что не заметила, как добилась успеха? Больше похоже на волшебство.

– Тебе задание, – Марина обратилась к незнакомой мне девушке. Ну, почему она не называет ее по имени? – Берешь Сашу и приводишь ее в порядок. Езжайте в салоны красоты, в магазины, да куда угодно. Но к презентации она должна выглядеть как звезда. И ни на шаг от нее не отходи. Саша, – теперь Марина обращалась ко мне, – расслабься. Ты уже звезда, тебе ничего никому не надо доказывать. Сегодня возьми себя в руки и достойно выступи на презентации. Нам надо смыть эту бульварную грязь. А завтра делай, что хочешь. Бери своего милого, езжайте на острова. Тебе надо отдохнуть.

Какого милого? Какие острова? – хотелось крикнуть мне.

Но я промолчала.

– А книга? – спросила я и кивнула в сторону рукописи.

– Прочту, – ответила Марина. – Позже.

***

Уверенным шагом я направилась в сторону метро. Но эта, до сих пор неизвестная, девушка схватила меня за рукав и заставила остановиться. Кто она? И почему должна присматривать за мной? Разве мне нужна нянька?

– Стой, – сказала она. – Да что с тобой сегодня? – а потом достала телефон и в приказном тоне кому-то сказала: – Подъезжай.

Спустя минуту к нам подъехал черный лимузин. Из машины вышел водитель и, как в кино, открыл для меня дверь. Миленько.

В огромной машине я чувствовала себя неуютно. Здесь мне не место. Черные лимузины и салоны красоты – прерогатива рок-звезд. Но никак не скромных писателей. Девушка сидела напротив и загадочно улыбалась. Я набралась смелости и наконец спросила:

– Это может показаться странным... Но... Кто ты?

И она засмеялась. Она заливалась таким заразительным смехом, что теперь смеялась и я.

– Нет, серьезно, – сказала я, вытер слезы от смеха. – Кто ты? Мне кажется, я попала в какую-то другую реальность.

Параллельный мир или типа того. Здесь я стала каким-то знаменитым писателем. Меня узнают на улице, про меня пишут в прессе. Здесь я – звезда. Сама не могу поверить в эти слова. Но там, в том мире, откуда я пришла, я простой невзрачный писатель. И там я тебя не знаю.

– Да, такое бывает с писателями, – сказала девушка. – Они настолько погружаются в свои книги, что путают реальную действительность с выдуманной. Это нормально. Ты не сходишь с ума. И твоя действительность – она здесь. Саша, ты – звезда фэнтезийной литературы. А я – Лида, твой скромный ассистент. Пока ты пишешь, я помогаю с другими вопросами.

– Ух ты, у меня есть свой ассистент? – удивилась я.

– Ага, – ответила Лида. – И сегодня этот ассистент тобой крайне недоволен. Почему ты ушла из дома и не дождалась меня?

– У меня сломался принтер, и я пошла в печатный центр, чтобы распечатать рукопись, – я повторяла эту фразу сегодня снова и снова.

– Распечатывать рукопись – это моя работа.

Повисла неловкая пауза. Я совсем не помнила этой жизни. Не помнила, что у меня есть ассистент. Не помнила, что я – звезда. Лида попросила водителя включить радио.

– Не надо! – вскрикнула я. – Ненавижу музыку. – А может я ненавидела ее в той, придуманной жизни? А в этой она мне нравится? – Хотя включите. – Проверим.

– Она села рядом с ним на качели, – заговорил ровный приятный голос из радиоприемника, – в одной ночной сорочке, не тоненькая, как семнадцатилетняя девочка, которую еще не любят, и не толстая, как пятидесятилетняя женщина, которую уже не любят, но складная и крепкая, именно такая, как надо, – таковы женщины во всяком возрасте, если они любимы...

– Что это? – спросила я.

– Рэй Брэдбери «Вино из одуванчиков», – ответила Лида. – Читала?

– Читала. Просто это странно. Книги по радио? Можно переключить на следующую волну?

На следующем канале диктор вздохнул зачитывал Сэлинджера «Над пропастью во ржи», дальше шел «Великий Гэтсби» Фицджеральда, потом страничка поэзии Бродского.

– А где музыка? – недоумевала я.

– Музыка? – удивилась в ответ Лида. – Кое-где, наверное, крутят. В самое непопулярное время.

– Но почему пропала музыка? – не унималась я.

– Почему пропала? Все на своих местах. Это с тобой сегодня что-то не так. Мне не нравится эта рана. Надо показаться врачу.

– Хочешь сказать, что в этом мире люди читают книги и боготворят писателей?

– Да, так и есть, – подтвердила мое предположение Лида.

Я сделала глоток шампанского и по-хозяйски откинулась

на спинку сиденья. Не знаю, как и почему я оказалась в этом странном мире. Но он мне определенно начинал нравиться.

***

После всего этого колдовства над моей внешностью я смотрела на себя в зеркало и думала о том, что если человека отмыть, накрасить и приодеть, каждый будет красивым. Даже я не так страшна, как казалось. Даже я могу быть той, с чей фотографией подросток отправится к парикмахеру.

– Нам пора, – сказала Лида.

И мы снова поехали на лимузине. Простите, на моем лимузине. На моем! Мне определенно нравится этот мир.

– Куда мы едем? – спросила я.

– На презентацию, – ответила Лида.

– Но книжный в другой стороне. Мы проехали поворот пять минут назад.

– Пфф, – только и выдала Лида.

Лимузин припарковался возле черного входа в концертный зал. Здесь проходят самые крупные концерты самых крутых рок-звезд. Что происходит? Почему мы приехали сюда? Книжный в другой стороне.

К машине подошел охранник. Он открыл мне дверцу, галантно подал руку и, прикрывая своими широкими плечами, провел по темным коридорам напрямик к сцене. То есть к закулисыам сцены.

– Давай, давай, – подозвала меня Марина. – Скоро твой выход. Мы немного отстаем от графика.

Мы были в концертном зале. Все это очень напоминало музыкальный концерт. Но это же не концерт? Или?

Я подошла к самому краю этих тяжелых театральных штор и взглянула на сцену. Дима Колесников, с которым мы когда-то занимались на писательских курсах, читал свои стихи. В зале 12000 зрителей. Они слушали Диму затаив дыхание. Что это? Разогрев? Если это разогрев, то получается я – хедлайнер? Мне определенно нравится этот мир.

Чтение закончилось, и зал зашелся аплодисментами. Марина вручила мне папку и поправила челку, чтобы скрыть свежую рану.

– Тебе, все же, надо показаться врачу, – сказала она.

– Что это? – спросила я, показывая на папку.

– Твоя книга, – ответила Марина.

– И что мне нужно делать?

Марина нахмурила брови.

– Читать? – спросила я с удивлением.

Но Марина молчала. Похоже, мне действительно нужно прочитать вслух свою новую книгу или лучшие части из нее.

Тут появилась Лида, а рядом с ней... Это напыщенный рокер, вокалист какой-то там группы, которого сегодня показывали в утренних новостях шоу-бизнеса. Мое сердце замерло в ожидании. Что же сейчас будет?

Он махнул рукой и пошел мне навстречу, расстилая объ-

ятия. А я попятилась назад, пытаюсь убежать от этого знакомого незнакомца. Шаг, еще один – в итоге я неожиданно оказалась на сцене. Без объявления моего выхода. Без дифирамбов и прочих почестей как положено звезде. Я просто вышла на сцену. Растерянный конференсье за кулисами лишь пожал плечами. Лида разговаривала с рокерком и крутила пальцем у виска, показывая, что я сошла с ума. Марина шевелила губами, как бы говоря: «Давай». Что ж, назад дороги нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.